

наследием римского великодержавия или заново возрождена Юстинианом — задача, решение которой еще предстоит.

Дюно и Ариньон утверждают, далее, будто Прокопий потому употребил слово *ἐσχατία* применительно к Рейну, что по-прежнему рассматривал его как границу империи, которая только и может называться этим словом (с. 66—67). Однако рассмотрение всех контекстов (равно как и всех употреблений синонимичного *ἐσχατία*) не подтверждает подобного вывода: так могут называться у историка окраины любых других государств, провинций и городов (ср. I, 3, 2; 5, 4; II, 9, 10; 29, 28; 30, 34; III, 3, 14; IV, 10, 28; V, 12, 16; 30; VI, 2, 7; 11; 12, 29; VIII, 20, 5; 35, 2; 4; Постр., VI, 6, 17; 18).

Третий способ обозначения границы, по мнению Дюно и Ариньона, — это слова *ἐντός* — *ἐκτός* («по сю — по ту сторону» водных рубежей). Вот что они пишут: «Говоря о Фасисе, Прокопий отличает области, лежащие „по эту сторону“ (*ἐντός*) и являющиеся территорией Римской империи, от областей, расположенных „по ту сторону“ (*ἐκτός*) и подвластных империи Сасанидов... Для Прокопия иравый, римский берег реки является европейским, в то время как левый берег, подвластный персам, находится в Азии» (с. 66). Заметим, что в действительности Прокопий всегда описывает Черное море не по, а против часовой стрелки (II, 29, 16—25; III, 1, 11; VIII, 2, 1—20; 4, 1—13; 5, 23—33), так что именно левый берег Фасиса был для него *ἐντός*; во-вторых, Сасанидам не принадлежал ни один из берегов. Главное же состоит в том, что как *ἐντός*, так и *ἐκτός* Фасиса для Прокопия лежала страна Лазика: «Лазика труднопроходима как *ἐντός*, так и *ἐκτός* реки Фасис» (II, 29, 24); «Европейскую часть населяют лазы, на противоположном берегу Лазика лежало пресловутое руно» (VIII, 2, 29—30). Итак, признак *ἐντός* — *ἐκτός* есть лишь географический, а не политический ориентир. Авторы статьи считают, что реальная западной границей Византии считалась р. Родан (с. 68), поскольку Прокопий в отношении нее оперирует понятиями *ἐντός* — *ἐκτός*. Однако они же употребляют и при описании, скажем, Гибралтарского пролива (III, 1, 18) или Сицилии (VI, 6, 27).

Чрезвычайно интересно другое, чего вообще не заметили Дюно и Ариньон: понятия «по ту» и «по сторону» неизбежно локализируют местонахождение наблюдателя. Казалось бы, для Прокопия такой точкой обзора может быть только Константинополь. Ничуть не бывало! Описывая плавание по Красному морю, автор рассуждает как житель Эфиопии (I, 19, 19); рассказывая о переселении герулов в империю, он как бы вместе с ними приближается к Дунаю с севера (VI, 14, 23 — издатели предпочитают здесь необоснованную конъектуру). Го-

воря об Италии, историк всегда принимает италийскую ориентировку (V, 15, 15; 20; 24; 28; VI, 20, 21; VII, 22, 22; VIII, 23, 4), а в повествовании о восточных войнах меняет угол зрения, глядя то с византийской (II, 15, 7), то с персидской стороны (I, 17, 23; 25: 34). Это, кстати, совершенно сбивает с толку Дюно и Ариньона (с. 66), о чем здесь не время говорить подробнее.

Приведенный нами материал дает возможность поразмышлять о методах работы Прокопия с источниками, а равно и о его тайных политических симпатиях: Италия для историка — это страна, существующая сама по себе, и ее интеграция в империю невозможна (ср. выводы упомянутой выше статьи М. Чезы); при этом совершенно отдельной представляется Прокопию область к северу от р. По (ср.: V, 12, 20; VI, 29, 2). Все эти интересные вопросы, к сожалению, оставлены без внимания Дюно и Ариньоном.

Переходя от Прокопия к Константину Багрянородному, авторы отмечают полную смену соответствующей лексики от VI к X в. (с. 72—73), что они объясняют упрощением языка. Однако внимательный семантический разбор свидетельствует о том, что за изменением терминов проглядывает важная трансформация политического самосознания. В один год со статьей Дюно и Ариньона вышла работа Т. Лунгиса⁶, который доказывает, что Константин Багрянородный открыто порвал с ойкуменистической традицией Юстиниана. Материал, сведенный в статье Дюно и Ариньона, блестяще подтверждает эту гипотезу, но сами они далеки от такой его интерпретации. И все-таки, несмотря на все огрехи, их исследование показывает, сколько возможностей таит в себе реально-семантический анализ Прокопия.

Образцом же такого анализа можно назвать работу Г. Гаджера (*Gaggero G. Osservazioni sulla terminologia politica di Procopio // Studi bizantini e neogreci. Galatina, 1983. P. 217—230*), в которой скрупулезно исследовано словоупотребление Прокопия в области политической терминологии; прослежены все контексты с *κράτος*, *ἐπικράτεια* и *ἐπικράτης* у всех ранневизантийских историков. Автор отказывается от традиционной концепции, согласно которой язык Прокопия якобы «слепое подражание» Фукидиду, и справедливо утверждает, что новая политическая реальность неизбежно требовала от писателя инноваций, непривычных терминов. Далее следует убедительное обоснование тезиса, в соответствии с которым использование нюансов значения *ἐπικράτης* призвано было поддерживать официальную точку зрения о незаконности готской власти в Италии (р. 229). Но это лишь магистральный вывод статьи, сама же она дает материал для множества других интересных наблюдений. В заключение — одно замечание: классифицируя контексты со словом *ἐπικρά-*

⁶ *Lounghis T. L' historiographie de l' époque macédonienne et la domination byzantine sur les peuples du Sud-Est européen d' après les traités de paix du IX siècle // Balkan Studies. 1981. Vol. 21, N 1.*